

ДРЕВНЕРУССКИЕ ФОРМУЛЫ-СИНТАГМЫ ПАРАТАКСИЧЕСКОГО ТИПА

Марина Владимировна Артамонова

(Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых, vladphilolog@yandex.ru)

В историческом языкознании до сих пор не ослабевает интерес лингвистов к исследованию древнерусских формул-синтагм – единиц древнего текста, представляющих собой грамматическое, семантическое и ритмическое единство и служит для передачи информации (Колесов 1989: 145). Этот интерес поддерживается актуальностью изучения механизмов создания древнерусского текста, особенностей его структурно-семантической организации, необходимым элементом которой и является формула-синтагма – устойчивое синкретичное сочетание слов, которое может быть охарактеризовано «как языковой инструмент перехода от сенсорной абстракции к абстракции интеллектуальной» и представляет собой рече-языковое единство. Таким образом, устойчивое сочетание – это не только «синкретическая единица языка-речи, но и синкретическая единица мысли-речи, явление не узко языковое, а психо-языковое» (Лопутько 2000: 86).

Одним из таких типов формул-синтагм, участвующих в семантико-структурной организации древнерусского текста, являются парные именованья – двухкомпонентные сочинительные соединения слов чаще всего субстантивной принадлежности (*братъ и сестра, небо и земля, родъ и племя, рать и сила, хлѣбъ и соль*).

Вслед за А.А. Потебней (1968) мы рассматриваем парные именованья как формулы-синтагмы паратаксического типа. Компоненты паратаксических сочетаний соединены архаичной связью, характеризующейся формальным равноправием, соположением компонентов при наличии их логической зависимости. При этом, как отмечает Л.В. Савельева (2004: 123), в паратаксических сочетаниях «логически главный и логически подчиненный компоненты выступают как единицы коррелятивные, лежащие в одной грамматической плоскости. Тем самым их сложная семантическая связь друг с другом находится в противоречии с их формальной независимостью друг от друга».

Парные именованья с точки зрения своей семантической организации являются нумерологической моделью древнерусской формулы-синтагмы, основанной на принципе бинарной логики: сигнификат можно представить расчлененно, двумя языковыми знаками, которые при объединении

в сочинительное сочетание выражают новое собирательное значение. Возникновение этого нового собирательного значения обусловлено тем, что сочинение представляет собой вхождение, включение объемов двух понятий в объем третьего, следовательно, дает возможность создания гиперонима – цельного, обобщенного понятия, с помощью которого вербализируются все смыслы, которые хотел выразить говорящий. Парные именованья в древних языках являются продуктивной моделью номинации, так как эта модель дает возможность в простой паратаксической форме «*один и один*» передать многоплановое содержание.

Паратаксическая связь в исследуемых сочетаниях не является однозначной с точки зрения логики: она обнаруживается в соединениях однофункциональных, грамматически равноправных форм слов, однако парные именованья демонстрируют не равноправие компонентов, а зависимость одного компонента от другого, то есть детерминацию. Наличие семантической детерминации в подобных сочетаниях была отмечена еще В.Л. Архангельским (1964: 111–112), определяющим отношения внутренней зависимости между компонентами исследуемых единиц как «взаимную детерминацию» – «двустороннюю зависимость, при которой один член сочетания как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование второго члена как единицы того же или смежного уровня, и наоборот: второй член как единица определенного уровня предполагает существование первого члена как единицы того же или смежного уровня». Причем детерминация в парных именованьях выражается и формально, и семантически. Семантическая детерминация компонентов парных именованья может быть обусловлена, по наблюдениям В.В. Колесова (2002: 223), метонимическим уподоблением компонентов, основанным на отношениях целого и части (*врѣмена и лѣта, дни и часъ, врѣмя и часъ*) или причины и следствия (*сильный и всемогий, золь и ужасьнь, смиренный и кроткий*).

Паратаксис, свойственный архаичным языкам, возможно считать ступенью в развитии сочинительной связи. Древнерусский паратаксис и сочинительная связь в современном русском языке генетически связаны: они служат для выражения концепта ‘множество’, который в древнерусском языке понятийно и грамматически (формой двойственного числа) ограничен синкретичной парностью, парносоставностью, развившейся во множественность в представлении современного человека.

Следует отметить также, что сочинительная связь в парных именованьях проявляется со своей особой отличительной чертой: «сочинение формирует в языковой системе структурный механизм функциональной аттракции парадигматически соотносительных единиц» (Сигал 2004: 5), что во многом определяет синтагматико-парадигматический характер синкретичности данных сочетаний.

Анализ материала древнерусских литературных памятников показывает, что компоненты парных именовании могут быть соединены союзной связью (сочинительными соединительными союзами) или бессоюзной связью, обнаруживая различные варианты употребления. Нередко компоненты одного и того же парного именовании могут быть соединены разными типами связи в разных контекстах, например:

- (1) а. *Оружъя извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемя* (Поучение Владимира Мономаха);
 б. *раduitся о господи множество вездѣ нищии, убозии* (Житие Авраамия Смоленского);
 в. *а возмем до конца свою славу и честь* (Летописные повести о походе князя Игоря);
 г. *Но поминающе си нашу любовь, о вашемъ спасении потщитесь угодити створшему ны богу, ему же лѣпо вся слава честь* (Слова Серапиона Владимирского).

В древнерусском тексте также обнаруживается употребление одного и того же парного именовании не только с возможностью использования союзного или бессоюзного соединения компонентов, но и сращение его компонентов в неделимую единицу, подобную сложному слову. Так, например, парное именовании *честь и слава* в тексте может употребляться и как союзное сочетание, и как бессоюзное сочетание с дефисным разделением компонентов, что уподобляет его сложному слову:

- (2) а. *Сей блаженный и благоверный князь [...] остави честь и славу* (Киево-Печерский патерик);
 б. *Лежите на земли пусте, ни ким брегома, **честьи-славы** ни от кого приемлемо* (Повесть о разорении Рязани Батыем).

В древнерусском тексте также фиксируется сращение компонентов парных именовании: так, компоненты парного именовании *брат и сестра* в тексте имеют возможность сращения, что преобразует исходное сочетание, состоящее из двух знаков, в номинативную единицу, представленную одним знаком:

- (3) а. *Разидеся градъ нашъ и волость наша (во время голода) и полни быша чюжсие грады и страны нашей **братье и сестрь*** (Новгородская летопись);

б. *святого мученика Евлампя и Евлампия присныма братьсестрома*
(Остромирово евангелие).

Возникновение сращения компонентов парных именовании в древнерусском тексте демонстрирует обобщение и нерасчлененность их семантики и структуры: при использовании данного вида сочетаний в тексте они осознаются как целостная номинативная единица, например, *братьсестра* (термин родства, который можно сравнить с немецким существительным *Geschwister*), *честь-слава* (в нерасчленном значении 'почитание'), *хлѣбъ и соль* (в нерасчленном значении 'гостеприимство').

Не менее, чем синтаксическая связь структурно-семантических компонентов парных именовании, интересен статус союза, соединяющего компоненты исследуемых сочетаний. Парные именовании в древнерусском тексте чаще всего предполагают соединение своих структурно-семантических компонентов сочинительным союзом *и*. В научной литературе высказаны две точки зрения на морфологический статус и функцию союза *и* в парных именовании: 1) *и* – плеонастическая частица (Потебня 1968); 2) *и* – усилительный союз (Евгеньева 1963).

А.А. Потебня, останавливаясь в своих исследованиях на своеобразной функции союза *и* в сочетаниях типа *род и племя, рать и сила, хлѣбъ и соль* в древних памятниках, определяет ее так: «союз между сопоставляемыми существительными лишь в редких случаях может быть понят как выражение последовательности восприятия вещей, сопоставленных в пространстве; он служит указанием на субъективную последовательность восприятий, явственным выражением медленности, с которой в говорящем один акт мысли следует за другим» (Потебня 1968: 218). По мнению Потебни (там же, 219), *и* – это плеонастическая частица, отнесенная в категорию архаизмов: «в разных течениях языка, иногда личных, иногда более общих, различна степень потребности этих (с точки позднейшего, преимущественно письменного гипотактического языка) плеонастических частиц, заполняющих собою пробелы мысли».

А.П. Евгеньева (1963) подвергает критике точку зрения А.А. Потебни и рассматривает *и* как усилительный союз в синонимических парах слов: стилистическая функция синонимических пар, в которых употребляется союз *и*, заключается в усилении значения, в подъеме его, а в бессоюзных сочетаниях – в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения). Евгеньева пишет о невозможности соединения союзом дублетов, слов совпадающих полностью в своем значении; следовательно, о невозможности употребления союза *и* как средства связи в плеонастических конструкциях, например, «нельзя сказать „гляжу и смотрю“, „знаю и ведаю“, „народ и люди“, „сказал и молвил“,

потому что функция союза „и” в русском языке (в простом предложении) – соединение далеких или близких по значению однородных членов. Поэтому наличие союза и заставляет воспринимать один из членов как отличный от другого: сочетание „стыд и срам” с точки зрения современного литературного языка представляется соединением слов с различными оттенками значения (стыд – более слабая степень, а срам – более высокая степень той общей семантики, которая является основной в каждом из этих слов)» (Евгеньева 1963: 270–271). Объяснение А.А. Потебни (1968: 218), что наличие союза *и*, и также других «эксплетивных» частиц и слов в синонимических сочетаниях в устной поэзии является «явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим», также нельзя принимать, по мнению А.П. Евгеньевой (1963: 272), так как с этой точки зрения произведение фольклора – это «результат бессознательного творчества, представляющий собой точное отражение процесса мысли сказителя».

Данные точки зрения, как нам представляется, не дают достаточно точного представления о лингвистической природе и функции союза *и* в парных именовании.

Союз *и* в анализируемых устойчивых сочетаниях древнерусского текста не совсем точно можно определять как плеонастическую частицу, связывающую повторяющиеся по смыслу слова, так как компоненты парных именовании не являются лексическими дублетами, что было доказано в научных трудах В.В. Колесова (1989, 2002) и в рассмотренной работе А.П. Евгеньевой (1963). Также *и* нельзя считать и собственно союзом: роль союза *и* в парных именовании в древнерусском тексте отличается от обычной его роли в современном литературном русском языке, где он связывает слова или части сложного предложения, выражая отношения соединения, присоединения, перечисления, одновременности и др. В парных именовании *и* связывает не самостоятельные слова, а лишь составные части сочетания, осознаваемого как цельная нечленимая номинативная единица.

Анализ материала древнерусских текстов позволяет высказать предположение о том, что функция союза *и* в парных именовании близка к функции интерфикса – соединительной гласной (служащей связи корней и помещаемой между двумя корнями), связывающей части сложного слова, выражающего единое значение, например, сравним: русские сложные слова *благ-о-честие*, *дом-о-строй*, *зл-о-верие*, *лж-е-свидетель* и древнерусские сочинительные сочетания *мать и отец* ‘родители’, *руки и ноги* ‘конечности’, *сѣмо и овамо* ‘везде’.

Таким образом, сочинительный союз в парных именовании выступает в роли соединительного средства структурно-семантических компонентов, осознаваемых как логически равноправных, соположенных и вза-

имозависимых. Союз *и* выполняет соединительную функцию, связывая компоненты парных именовании подобно интерфиксу, соединяющему части сложного слова.

Компоненты парных именовании в древнерусском тексте могут быть связаны различными соединительными союзами:

1) союзом *и*:

- (4) а. *Аполонию же даже и доньнѣ на нѣцех мѣстех собываются створенаа, [...] но нѣкаа на млѣнье и вред челоуѣкомъ суцаа на побѣжение стоать* (Повесть временных лет);
 б. *Феодосий [...] оградивъся вѣрю и упованиемъ, исполнивъ же ся духа святаго, началъ подвизатися въселити мѣсто то* (Житие Феодосия Печерского);
 в. *сам же Куприянь митрополитъ по вся дни и часть от церкви не отступая, принося молитвы къ богу* (Повесть о Темир Аксаке);
 г. *И повелѣ царь создати церковь во имя преславнаго и великаго мученика и страстотерпца Христова Георгия* (Чудо Георгия о Змие).

2) союзом *также* (*также и*):

- (5) а. *искони бо створи богъ небо, также землю* (Повесть временных лет);
 б. *хоуу яко же словомъ, такоже и дѣлом напереди всѣхъ и пред всѣми главу свою положити* (Повесть о Куликовской битве).

3) союзом *ни... ни* (возможно употребление *не... ни* или пропуск первого *ни* при наличии отрицания в предложении):

- (6) а. *ни чьсти ни славы земный искаль есмь, ни телесное не разумѣх похоти, ни дьяволи створих воли, – но та вся тѣло есть створило!* (Слова Кирилла Туровского);
 б. *Яко же бо Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не дай ми [...]; ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздаваи людем* (Моление Даниила Заточника);
 в. *Церкви стоаше не имущи лѣпноты, ни красоты!* (Повесть о нашествии Тохтамыша).

Бессоюзное соединение структурно-семантических компонентов парных именовании в древнерусском тексте, на наш взгляд, есть проявление структурной слитности исследуемых единиц. Данный вид связи компонентов парных именовании является распространенным в тексте:

- (7) а. *его же буди всѣм нам получитьи благодатию господа нашего Иисуса Христа, ему же подобает всяка слава честь* (Житие Сергия Радонежского);
- б. *възградившию церковь во имя святою блаженую страстотерпѣцю Бориса и Глѣба* (Сказание о Борисе и Глебе);
- в. *И се обрѣтохся въ церкви Печерьской [...], и молящу ми ся мною съ слезами пречистѣй богородици, да бых видѣль святаго преподобнаго отца Феодосия* (Киево-Печерский патерик);
- г. *и весь народ, малии велиции, срѣтоша и въ Боголюбивѣмъ съ свѣщами и съ кандилы* (Житие Александра Невского);
- д. *вся страны гради [...] чту(т) и славят коегож(д)о ихъ оучителя, иже наоучиша православней вѣрѣ* (Слово о Законе и Благодати Илариона).

Стремление двухкомпонентного паратаксического сочетания к структурному сращению (цельнооформленности), проиллюстрированное в примерах (2а), (3а), и тенденция к установлению бессоюзия (примеры (7а–д)) есть отражение структурно-сигнификативной синкретсемии в древнерусском языке – явления, при котором «одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами)» (Пименова 2007: 50). Бессоюзная связь компонентов парных именовании в средневековых памятниках письменности делает их подобными слову; структурная нерасчлененность, выраженная таким бессоюзным соединением, и семантическая нерасчлененность парных именовании являются взаимообусловленными.

Таким образом, можно выделить несколько характеристик исследуемых формул-синтагм: 1) синкретизм формы и содержания исследуемых формул-синтагм паратаксического типа проявляется в высокой степени обобщения («собирательности», по определению В.В. Колесова 1989: 145, 2002: 222) на разных уровнях – ментальном и языковом; 2) сочинительный союз в парных именовании выступает в роли соединительного средства логически равноправных, соположенных и взаимозависимых компонентов; он связывает компоненты парных именовании подобно интерфиксу, соединяющему части сложного слова; 3) стремление данных формул-синтагм к структурному сращению (цельнооформленности), а также к обобщению, собирательности в семантике есть стремление синтагматической единицы к переходу в номинативную, утрачивающую синтаксическую связь компонентов и приобретающую деактуализацию, семантическую несамостоятельность составных частей.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский, В.Л. 1964, *Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета.
- Евгеньева, А.П. 1963, *Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XIX вв.* Москва–Ленинград: АН СССР.
- Колесов, В.В. 1989, *Древнерусский литературный язык*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Колесов, В.В. 2002, *Философия русского слова*. Санкт-Петербург: Юна.
- Лопутько, О.П. 2000, О природе устойчивых формул древнерусской письменности. В кн.: Люстров, М.В. (отв. ред.), *Герменевтика древнерусской литературы, вып. 10*. Москва: Наследие, 80–88.
- Пименова, М.В. 2007, *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ – Владимир: ВГПУ.
- Потебня, А.А. 1968, *Из записок по русской грамматике, т. 3*. Москва: Учпедгиз.
- Савельева, Л.В. 2004, *Основы палеорусистики: Учебный комплекс по курсу истории русского языка для педагогических университетов*. Петрозаводск: КГПУ.
- Сигал, К.Я. 2004, *Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва.